Владимир КОРШУНОВ (г.Ульяновск) **БОРЗ**

Господи! Как же болит голова! Да, что там голова?! Всё тело! Весь мир, или что там от него осталось — болит и кружится… Мама моя, как же мне плохо!

Надо перевернуться.

Я напрягаю руки, чтобы приподняться и… не могу. Пытаюсь перекатиться на бок и… Ничего не получается. Всё звенит, плывёт и туманится. Как же звенит в ушах!

Я пытаюсь вспомнить, что произошло. Обрывки мыслей путаются в голове. От этого тошнит ещё сильнее.

— Возьмём этот схрон втроём, — говорит Рамиль. — Место безопасное. «Чехи» устроили его ещё осенью, да перетащить боеприпасы так и не успели. Наши пришли. Зелемхан покажет место. Съездим туда-обратно. Обратно, считай, уже с медалями…

Так вот как я сюда попал.

Мы бросили УАЗик у ручья. Дальше дороги не было — горы. Зелемхан не обманул — схрон в скале мы нашли сразу. Рамиль с Сидором и Зелемханом спустились вниз, а я остался снаружи. Со мной был Борз. Где он? Я, кажется, и ошейник с него снял. Зачем?

Всё опять плывёт. Боль, которая чуть-чуть отступила, снова накатывает удушливой волной, разливается во всём теле, выходит наружу мелким потом на лбу. Правый глаз едва приоткрыт и залит наполовину чем-то красным. Почему наполовину? Так не бывает. Но я ясно вижу именно вполовину глаза. Красная тёплая краска неприятно стекает по щеке, капает за ворот. Это же кровь. Что произошло? Я никак не могу понять, что произошло и почему я не вижу никого рядом — ведь нас же было трое, да ещё Зелемхан…

Я закрываю глаза, пытаясь снова собрать вместе обрывки этого дня.

Вот я закуриваю у входа в лаз. Что-то свистит в прозрачном весеннем воздухе и врезается в скалу… Взрыв. Откуда?! Почему?! На высотке у дороги федеральный блокпост. Там же наши! Рамиль сказал, что предупредил их. Он, конечно, дурак, но не до такой же степени!

Вот уже рвануло совсем рядом. Я закачался и присел на месте. Потом уже ничего не было — только эта боль и тошнота.

Я лежу на спине. Ног не чувствую совсем. А вот левое плечо, рука, грудь сдавлены так, что трудно дышать. И тишина… Почему так тихо здесь? Меня оглушило? Конечно.

Поэтому я ничего и не слышу. Но что это?

Сквозь непрекращающийся звон я, кажется, слышу треск веток. Это короткие очереди. Бой? С кем? Здесь же уже давно наши! Снова треск — где-то совсем рядом. Кажется, целым глазом я даже вижу вспышки. Не может быть — в паузах между треском очередей я слышу окрики и речь. Чужую гортанную речь — будто кто-то орёт, проглотив одним махом ведро огненной картошки. Нохчи! Я никогда не перепутаю их короткие, как выстрелы, выкрики-слова ни с какими другими. Мне становится даже не страшно, а жутко. Боже мой! Спаси, сохрани! Отче наш, да святится имя Твое, да придет царствие Твое… Звон в ушах нарастает. Картинка в глазах теряет цветность… Всё!

Со мной всегда бывает так, когда теряю сознание. Тошнота, звон, чёрно-белое изображение — привет!

Я снова пришёл в себя. Скалы вдали уже поглотил мрак, а небо из голубого стало фиолетовым. Вечер. Здесь как-то резко темнеет. Мы приехали утром. Сколько же времени я здесь лежу? Почему меня до сих пор не нашли? И почему нас вообще не спохватились?

А нохчи?! Где они?!

Что-то тёплое шаркает по правой щеке, облизывает затёкший глаз. В ухо я чувствую собачье дыхание. Борз! Дорогой ты мой пёс! Вот кто помнит обо мне! А я, как же я не догадался позвать тебя?

Мы нашли Борза во время первой командировки. Вернее, это он нашёл нас. Когда поступила информация, что в одном из цехов ремзавода боевики собирают автоматы, сразу даже не поверили. Город, или то, что от него осталось, уже с месяц контролировали федеральные силы. Вся иная жизнь, кроме военной, казалось, была выбита отсюда навсегда стволами тяжёлой артиллерии и налётами авиации. А тут — дискотека! В одном из уцелевших цехов завода. Приехали, а там и правда — дискотека. Абсурд какой-то. Мы ничего не нашли, кроме пары ножей и наркотиков — стандартный набор. Хотели уже уезжать. Но тут из вентиляционного люка свалился он — щенок овчарки месяцев двух-трёх от роду. Мы проверили вентиляционный лаз, а там… Мама

моя! Бойков, заготовок, готовых «борзов» — на целый батальон. Времени они не теряли. Кто-то из местных пнул некстати появившегося щенка и уже хотел прибить чугунной плашкой, но старшина Сергеев опередил его, сбив чеченца с ног прикладом… Может быть, с тех пор Борз и ненавидит местных. По запаху он их отличает, что ли, или по разговору? Собаки вообще не любят местных. Где бы не вставали федеральные войска, все местные собаки перебирались туда. Их никто не бил и всегда подкармливали. Даже служебные собаки, привезённые из разных концов России, смотрели на них как-то снисходительно и покровительственно. За это местные псы платили по-своему. Никто не мог подойти к лагерю или посту незамеченным. Лай поднимался аж до Ханкалы. Майор Корнеев говорил, что даже охранение можно не ставить. Но проверять слова майора не рисковали. Охранение всегда выставлялось.

С ремзавода мы взяли щенка с собой. Так и назвали — Борз. Потом я забрал его к себе — в Россию. Борз быстро вырос, превратившись в огромного пса трудно различимой породы. Кинолог Бережков говорил, что это — смесь «кавказца» с «немкой». Да какая разница! Борз всегда со мной. А с тех пор, как ушла Ирка, это моё самое дорогое, пожалуй, единственное родное существо. Как же я мог про него забыть?

— Борз, хороший! Борзушка, где ты был?

Я ловлю себя на мысли, что не слышу своих слов. Я едва шевелю спёкшимися губами. Пытаюсь крикнуть:

— Борз! Борз! — Ничего не выходит. Только едва различимый шёпот, похожий на стон. Я даже позвать к себе никого не смогу. А уже ночь. Сколько крови я потерял?

«Я скоро умру!», — пронзает моё сознание единственная чёткая мысль, безжалостная как приговор.

Борз скулит тихо, почти плачет и тычется горячим носом мне в ухо. Странно, ведь нос у собаки должен быть холодным. Может быть он тоже ранен? Он тоже решил умереть здесь со мной? Хозяин и собака — красиво, романтично и глупо, как в кино.

— Борз, Борз! — снова зову я. Язык шевелится, но губы ссохлись так, что их не разодрать. Как же я не хочу этой киношной сцены. Я хочу, чтобы он жил. Неважно с кем, неважно сколько. Но я не хочу, чтобы смерть радовалась здесь и сейчас нам двоим. Я уже злюсь. Если бы я мог встать, я бы разорвал эту нелепую чеченскую смерть на куски, развалил бы на части штыком, загрыз бы зубами. Я ненавижу её!

— Борз, миленький! Иди к нашим! — я собираю в кулак всю свою волю, и мне кажется, что Борз понимает меня.

— Иди, Борз! Уходи. Ну же…

Сил больше нет. Борз с минуту ещё тыкается в мою щёку, но потом его жаркое собачье дыхание покидает меня. Он встаёт, вроде бы поняв, чего я хочу от него. Поднимается и пытается идти… или ползти. Боже! У него разворочен бок, а задняя лапа перебита… Больше я не вижу никого.

Сколько же звёзд на небе! И на каждой из них тоже может быть жизнь, такая или не такая, как у нас. Хуже или лучше — а как не хочется умирать! Однажды человек понимает, что смерть, о которой прежде всерьёз не думал — неизбежна. Что она придёт неумолимо и мучительно, как бы ни кичились некоторые дураки, утверждая, что умирать не страшно, или обманывая себя, что они готовы к ней. Едва-едва она проходит рядом, даже не за тобой, а за кем-то, кого ты знал, ты чувствуешь неземной холод её прозрачного шлейфа, её отчуждённость от всего, что дорого тебе, её неумолимость. Её невозможно ни о чём попросить. Иначе это была бы не смерть…

Легко умирать героям. Совсем молодым, когда пуля или нож в сердце — наповал. Я никогда не был героем. Я пытался им стать и быстро понял, что не стану им никогда. Может быть, поэтому я и боюсь смерти, а она смакует сейчас свою правоту и неизбежность. Оттягивает последний взмах, наслаждаясь моей агонией. Говорят, что перед смертью вся жизнь человека пробегает перед глазами за пару секунд. Зачем они врут? Я однажды был в таком состоянии. Врач Ермаков вытаскивал меня с того света и я даже видел его — край Того Света. Всё было очень похоже на сегодняшний день. Звон, тошнота, потеря цветности. Но вдруг я взлетел над столом — не очень высоко — в угол санитарной палатки и смотрел оттуда, как Ермаков колет мне что-то в вену, как вбежал фельдшер и ещё кто-то. Мне было не плохо, ни хорошо — никак… А потом — лёд и огромный Космос — холодный и пустой, в котором я один, хотя ещё вижу Ермакова и

фельдшера, но они уже ничего не могут, и я уже ничего не могу. Вот это страшно! Неужели всё повторится снова?

… Как же тяжело дышать. Почему я не умер сразу? Ведь было бы легче. Где Рамиль и Сидоров? И Зелемхан? Они, конечно, погибли и, очень может быть, лежат там в схроне, или даже рядом со мной и уже не видят меня… А может быть… Сознание вроде просветляется, становится абсолютным, ясным. Чеченцы? Я вдруг понимаю, что днём, который уже кончился, произошло нечто страшное, чего никто не мог знать. Духи рванули где-то на прорыв и вышли сюда. Это они вырезали пост на высотке. Да, это они стреляли сюда, прорываясь к дороге! А потом я слышал их голоса, их автоматные очереди. Нелепая смерть по глупости — от шального снаряда, кажется мне не такой уж противной. Волосы коротко выстрижены, но я чувствую, что их обрубки шевелятся на голове. Я не хочу, чтобы меня пилили наживую двуручной пилой, или подожгли, облив бензином, а потом возили за мотоциклом ещё живого, как они сделали с нашими разведчиками. Я даже думать об этом не хочу, не смею! Я не герой и я не хочу так!

Свободная рука сама лезет под камень на груди. В разгрузке пальцы нащупывают холодный металл гранаты. Как она не сдетонировала при взрыве? Я вынимаю гранату и кладу на грудь. Если «чехи» найдут меня, я успею прижать её подбородком и вырвать кольцо… Если только буду в сознании. Надо, во что бы то ни стало, оставаться в сознании. Но как же это трудно!

Очень хочется пить. Во рту и в горле будто всё горит огнём. Ног я по-прежнему не чувствую, но как же болит спина! Это не просто боль. Это адская боль! И чем больше я пытаюсь напрячься, чтобы хоть как-то сдвинуться, тем сильнее поглощает меня эта боль. И не спрятаться, и не позвать! Как же плохо мне, мама!

Я больше не теряю сознание, хотя хочу, хочу потерять его. И не умираю. Я больше не могу терпеть эту боль. Граната! Я сильнее прижимаю её тело к себе подбородком. Правой рукой тянусь к кольцу. Рвануть — и всё! Космос — без боли и мучений, без всего…

Боль на какую-то минуту отпускает меня. Надо бы хоть молитву прочитать. Я начинаю читать «Отче наш», потому что не знаю других молитв, и с ужасом понимаю, что забыл слова… Бог не принимает молитв самоубийц. Но я ведь уже почти убит. Чего же я жду? И тут начинают мелькать все события моей бестолковой и, в общем-то, недолгой жизни.

Вот оно! Началось!

Я вижу, как первый раз стою на блокпосту. Палец от страха всё время на спусковом крючке. Вот-вот он дёрнется… Ирка. «Мы странно встретились и странно разойдёмся». Вот она уже уходит, не выдержав моих командировок и бесконечных запоев после… Вот два «бэтээра» заревели моторами, готовясь рвануть пополам привязанную к ним снайпершу из какой-то бывшей «братской» республики. Мне снова жутко, я не хочу видеть этой казни, даже зная всё, что она сделала. Я закрываю глаза и бегу прочь… Дед. Школа. Помнишь, дед, ты никогда не рассказывал нам о войне? Но однажды я «раскрутил» тебя. Мне было тогда семь или восемь. «Никогда не издевайся над пленными, не насилуй женщин и не бери ничего у мёртвых. Тогда останешься жив, если тебе когда-нибудь придётся воевать», — говорил ты. Я всегда помнил твои слова и соблюдал эти правила. Выходит, ты врал мне, дед? Зачем?.. Борз. Я снова иду от ремзавода к БМП. Ты прижался ко мне всем телом. Я спасу тебя. Мне так приятно сознавать, хоть я в этом никому и не признаюсь, что в этом безумном котле я могу спасти чью-то жизнь, что я нужен тебе. Вот мы идём по парку. Падают листья. Дома нас никто не ждёт, но нам никто и не нужен, ведь мы друзья, какие только могут быть на этом жестоком свете. Я снова чувствую, как ты плачешь надо мной, тычась носом в моё окровавленное лицо. И вот ты уходишь. Уползаешь. Дошёл ли ты куда-нибудь, Борз?

Я чувствую, что из глаз покатились слёзы. Я снова беру гранату, отвожу руку и почему-то разжимаю пальцы. Она звякает по камням, скатываясь куда-то вниз. Умирать надо честно… Я твёрдо решил выпить эту чашу до конца. Всё, что осталось мне там ещё… Снова усиливается звон в ушах, картинка ночного ущелья теряет цвет…

* * *

— Коли ему ещё! Да чего ты возишься! Он сейчас снова уйдёт! Держись, братан! Всё будет ништяк!

Я вижу над собой небритую рязанскую рожу незнакомого бойца.

— Ноги у него… Мама моя! — кричит ещё кто-то. Мимо мелькают берцы, суетятся люди. Лай! Я ясно слышу собачий лай. Борз! Ты жив?!

— Твоя собака, земеля? — говорит десантник, согнувшийся надо мной. — Ну и пёс у тебя! Мы его у дороги нашли. На ошейнике надпись «энский ОМОН». Это он нас сюда затащил. Сам идти не может — лапы перебиты, брюхо покоцано, а он всё рвётся из рук — ползёт на скалы… Ну, собачка! Не поверил бы, что такие бывают! Мы по следу крови сюда вышли…

— Борз! Борз! — снова пытаюсь крикнуть я, и не слышу своего голоса…

— Братцы, спаси вас Бог…

Огромное небо надо мной схлопывается в точку. Я вздрагиваю всем телом.

— Шевчук! Что с ним?

— Пипец… – последнее, что я слышу над собой…

* * *

Я снова открываю глаза уже на носилках. Свист стоит повсюду. Но это уже не в голове. «Вертушка» заглушает голоса людей, готовая вот-вот оторваться от земли. Меня грузят в неё, укладывают рядом с другими бойцами. В открытую дверь я вижу в общей суете

капитана Звягинцева и ещё кого-то из наших. Не могу разобрать кого. Звягинцев, пригнувшись, держит на голове берет и что-то кричит. Наконец, в проёме мелькает знакомый силуэт Сидорова. Жив! Он тащит что-то на руках к «вертушке». Кто-то загораживает дверной проём, но его отталкивают. Сидоров и капитан бережно втаскивают на борт какой-то огромный кулёк. Протискиваются ко мне и кладут его рядом. Борз! Спеленатый бинтами почти по грудь, он тычется мне в живот.

— Борз! Родной! — на этот раз я слышу себя.

Борз кладёт длинную овчарочью морду мне на грудь. Я снова чувствую его дыхание. На душе впервые за всю войну становится спокойно и хорошо.

Дверь «вертушки» захлопывается.

_____

«Борз» — чеченский пистолет-пулемёт кустарного производства.

Чехами, нохчами называли солдаты федеральных сил чеченцев во время первой и второй чеченских войн.